

О.М. Давыдов,

г. Челябинск

Миасские годы и строки Николая Годины

Николаю Ивановичу Године, ныне здравствующему легендарному уральскому поэту, идёт 86-й год. Родившись на Полтавщине, он практически всю жизнь, за исключением младенчества, отдал Уралу. И больше четверти столетия, четверть собственного века он провёл в Миассе, где жил с 1959-го по 1987 годы. Сюда приехал он молодым «дембелем», едва окончив службу в армии и попрощавшись с деревней детства Чудиново. Здесь постигал он «глубины руд» (в самом буквальном смысле, в геологическом), здесь становилось его перо. Миассу отданы молодость и зрелость – и человеческая, и поэтическая. Здесь Николай Иванович приходит в литературное объединение «Ильменит», в конце 60-х возглавляет его, пробивается в «толстые» литературные журналы «Сибирские огни», «Урал», «Юность», «Новый мир», владевшие в ту пору умом образованного советского человека.

Три последних советских десятилетия, называемые эпохой Застоя, многими из поколения Николая Ивановича вспоминаемые как золотой век. Ещё не свобода, но уже ослаблены цензурные преграды, уже не требуется от поэта строгого следования идеологии, за исключением разве что поздравлений для многотиражной газеты. Это время творческого поиска, когда каждый, по выражению другого известного поэта, «как дышит, так и пишет». И молодой Николай Година так же ищет свои драгоценные крупинки в тоннах словесной руды. Степные колхозные пейзажи в его творчестве чередуются с новаторскими верлибрами, он посвящает стихи А.С. Кушнеру («Не работает луна»), написанные в его же манере. Поэтический поиск не обходится и без «богоискательства», когда автор, порой доходя до отчаянного богоборчества, снова обращается к имени Создателя – значит неравнодушен, по меркам советского интеллигента это почти религиозность.

Но мы поговорим сегодня не об этом, а о Миассе. О том, какое место занимает топонимика и геопоэтика родного для Николая Годины города в его строках.

Миасс предстаёт перед читателем городом зелёным и весенним, иногда кажется, что кроме весны здесь ничего не бывает, во всяком случае весна дольше иных времён года.

На календаре первые числа марта, и «на окнах замша инея, протёртая до дыр», мороз, но поэту кажется «что даже лампы вдруг // готовы с первым солнышком // закапать с потолка». И значит скорее за город, на озёра, где «каплет мартовская проза // с воробьиного пера, // озонирует берёза // даже если не пора».

Пора! Ныне «всё, как в первый день после сотворения мира // тихо вздравгивая, // деревья привыкают к разноцветным птицам... // И перед нашими глазами маячит // похожая на бельмо миасская сорока». [1, с. 54-55] Тот мартовский верлибр заканчивается странным риторическим вопросом: «А может быть, Поэзия потеряла // представление о своей сути?» Потеряла за зиму, но мир снова открывается из-под слежавшегося снега.

И вот «укоротила роща платье, // бугор по лысину взопрел, // на выгоревшем циферблате // почти без четверти апрель... // Пусть вечер глянет рыбьим окоом // И первую звезду сморгнёт». «Пока что небо птице мелко // и дочке – лужа на углу... // А школьник с луком из амура // сойдёт как образ этих дней, // когда синее даль не хмуро, // и зеленеет мир за ней» [1, с. 148].

А затем «голубых стволов смешенье. // Индустрии никакой! // Беззащитнее мишени // над водой висит покой... // Ближний куст на дальнем плане, // лог с ручьём наперерез... // На душе, как на поляне // свет, цветы и сбоку лес» [1, с. 62].

Но всюду в красоте лесов, степей и озёр поэт видит отражение Миасса. Он беседует с городом даже тогда, когда смотрит на него с Ильменских вершин: «облака расплывчаты как пятна, // панораму портили слегка, // но читалась складно и понятно // топография материка... // Не трясло и не бросало в холод, // а внизу, у Азии на дне // выкристаллизовывался город, // обещая всё на свете мне» [1, с.46]. И поэт, «заботой личною опутан // к городку причастен, как пришит» [1, с. 36].

А вот слова прощания с городом, верлибр, созданный в 1987 году: «Зачитываюсь Миасской долиной, // спотыкаясь на дорожных знаках препинания. // Одолев индустриальную главу, // где немало добрых строк и о моём горняцком деле, // погружаюсь в лирическое отступление // ильменских пейзажей. // Монуменальная сосна. // Стеснительная голая берёза. // Немотный крик дупла. // И молитвенно тихое небо, // на котором солнце, // запрещающее сквозной проезд» [1, с. 205].

Советскому поэту, тем более уральцу, невозможно обойти индустриальную тему. Миасс – город рабочий, но в нём нет металлургии, как в Челябинске, Магнитогорске и Златоусте. И вот Николай Иванович отправляется в творческую командировку, знакомиться с гигантом, дающим сталь стране. Какие впечатления он привозит оттуда? «А мне запомнилась сирень // так неожиданно и юно // среди железа и сирен // Магнитогорского июня. // Качались рыжие дымы, // как дирижабли вдоль Урала, // и тихо радовались мы // всему, что пело и орало... // Букет в руке, цветок в губах. // А город, представая зренью, // железом мужественно пах // и очень женственно сиренью» [1, с.40-41].

Связующим звеном между миром города и зелёным морем природы является автобус. Только бы поскорее выходной, и автобус отвезёт туда, «где

сохнет по дождю Атлян, // и даль в рисунках, будто книга, // в подолах ситцевых полян // переспевает земляника» [1, с. 28]. Советскому человеку недоступна заграничная экзотика, разве что Югославия, но пузатый ПАЗ с автовокзала доставит в мир, где «прекрасен язык, // на котором говорят деревья. // Он поход на детский... // Теперь в моде // английский, немецкий, французский. // Приходим в лес // и чувствуем себя // иностранцами» [1, с. 204].

Иногда автобус выглядит коварно, если намекает на скорое возвращение к будням: «А за углом темнел, не нужен // автобус, как трояский конь» [1, с. 63].

Но автобус и спасает от осенней промозглости. «Чем больше сверху вниз течёт, // тем выше осень держит пламя. // Тепло метафоры не в счёт. // Туман холодный над полями... // Сбежались к озеру дома // раскрыли зонтиками крыши. // И только утки без ума // от бодро хлюпающей жижи... // Автобус до Кисегача. // Старушка в чёрном – Божья дочка. // В ладонях ветка, как свеча // с дрожащим пламенем листочка» [1, с. 128].

«Автобус прыгал, но не глох, // Лесок, захваченный врасплох, бежал за ним – кусты гурьбою» [1, с/ 130].

Конечная остановка – всегда дом, город, куда спешишь вернуться. «Колёса весело пыля, // дорогу знали без руля. // «Миасс» – доска к сосне прибитая... // Здесь был скитаниям предел, // где дом окошки проглядел, // где бытие и радость быта». [1, с.131].

И вновь «облака над Миасской долиной напомнят // паренте духа. // Но земля оторваться не даст: будто дети // повиснут заботы. // Отсыреет окно, станет форточка действовать туго // И не хватит, наверно, на всякие мелочи даже субботы» [1, с. 133].

В конце 1960-х Николай Иванович отправляется на семинар молодых писателей в Кемерово. Тогда начинается его дружба и творческий диалог с Виктором Астафьевым. Сам Виктор Петрович вспоминает эту встречу так, говоря о себе и о Године: «Так вот, потихоньку-помаленьку две судьбы двух работяг, начавших на Урале сочинительство, переплелись однажды в Кемерово... Николай Година в качестве семинариста выслушивал комплименты в свой адрес. Получить же комплименты от Ярослава Смелякова или Василия Фёдорова было непросто. Они ...любили себя и любовь эту делили с другими поэтами очень неохотно...» [1, с.5].

Но заканчивается встреча со знаменитостями, аплодисменты и слава, и поэт, прижавшись лбом к холодному стеклу, снова возвращается поездом в Миасс. Предпоследняя большая стоянка перед Миассом по пути из Сибири – Челябинск. «Челябинск ёлками торгует, // венгерским яблоком драхня... // Я выбрал бы судьбу другую, // но эта выбрала меня. // Смотрю в окно, где – всё дорога // и

трижды купольный вокзал. // Я не уеду в полвторого, // как сгоряча себе сказал... // Смотрю в окно, где ходит ветер // и облик города не тот, // где у афиши юный Вертер // страдает, вздрагивает, ждёт...» [1, с. 72].

А дома «у подножия Ильмен // звенят окрепшие снега. // И справа от меня // дымятся жёлтые цветы, // торопливо нарисованные мальчишками // своеобразным граффити...» [1, с. 73]

Любовь к родному городу познаёшь только в дороге, возвращаясь домой:

Ездите по свету все,
Ездите хоть в гости к тёте,
И в какой-нибудь Кусе
Интересное найдётё.

Беспризорная душа
Не даёт сидеть на месте,
И какая-то Аша
Поманила вёрст за двести.

Необычен как коллаж
Мир в полужастывшей массе.
Поваляйся – сон не блажь,
Но успевай сойти в Миассе...

Всё же, чтоб не обижать
Незаслуженное счастье,
Нравится мне уезжать,
Даже больше – возвращаться!» [1, с.77]

Десятилетия спустя, в 2001-м году уже коренной челябинец, в творческом диалоге с Астафьевым, Николай Година напишет: «Упрёк Астафьева принимаю, // но избавиться от мысли, // что нередко среди деревьев // мне уютней, // чем среди людей, // не могу. // Вон стайка молодых берёзок, // пойду постою за крайнюю справа, // пусть... наконец убедится, что мир не кончается за тем поворотом, // а только начинается» [1, с. 281].

Мир не заканчивается за поворотом шоссе из Миасса к трассе М-5, не кончается и творчество Николая Годины. Пожелаем ему того, что он пожелал когда-то стихами своему литературному товарищу: «Поеду в Овсянку к Астафьеву, // без повода и не чинясь... // Господь милосердный, оставь ему // подольше побыть среди нас...» [1, с. 245].

Список литературы

[1]. Година Н.И. Избранное / Николай Година. – Москва, Вече, 2008. – 432 с.